

81932
Т-30

Меатральное
Наследие

492
T-30

85.4
T30

THEATRICAL
PUBLICATIONS

THEATRICAL
PUBLICATIONS
A CLASSIC
MCMXXV

L'HÉRITAGE
THÉÂTRAL

T O M E
P R E M I E R

THÉÂTRE D'ÉTAT
DU DRAME
ACADÉMIQUE

M C M X X I V

ТЕАТРАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

СБОРНИК
ПЕРВЫЙ

ЯНВ 2012

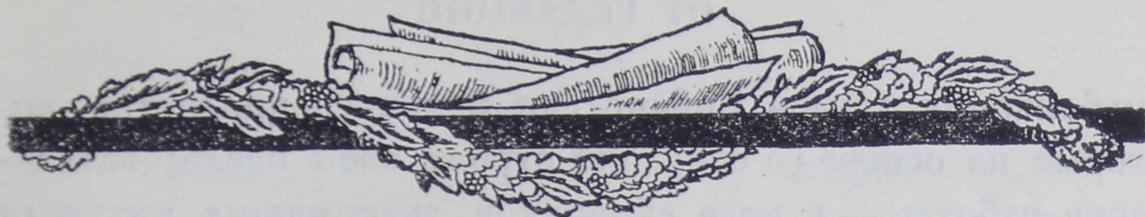
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ТЕАТР ДРАМЫ

1 9 3 4 19 СЕН 2005

БИБЛИОТЕКА 6329
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИНСТИТУТА
ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
УЧЯЩИХСЯ И ТВОРЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

Актер Российской труппы, основатель театральной библиотеки
И. А. ДМИТРЕВСКИЙ
(Силуэт работы Е. С. Кругликовой)

ЛЕНИНГРАДСКАЯ театральная библиотека имени А. В. Луначарского вступила в сто пятьдесят первую годовщину своего существования. Основанная в 1784 году попечением одного из первых русских актеров и драматических писателей — Ивана Афанасьевича Дмитриевского, она представляет собою в настоящее время основное в нашем Союзе и крупнейшее в мире собрание книг, текстов, рукописей и иных материалов по истории театра, драматургии и смежных искусств. Превратившись после революции из ограниченного узким кругом читателей ведомственного книгохранилища в библиотеку, которая должна широко обслуживать как интересы своих многочисленных посетителей, так и производственную работу театров Ленинграда, Москвы, союзных республик и периферии, она стала вместе с тем одним из немногих у нас центров научно-исследовательской театроведческой работы.

Уже давно назрела необходимость придать этой работе законченную форму, доступную для тех широких кругов, которым дороги вопросы развития нашей театральной культуры. Одним из мыслимых путей этого является

ОТ РЕДАКЦИИ

публикация трудов Библиотеки и тех специалистов, которые на основе ее собраний строят свои исследовательские работы, — в виде сборников, знакомящих читателя с материалами и документами, составляющими ее богатейшие фонды. «Театральное наследие» — это первая попытка осуществить такого рода намерение. Она совпадает со столетием годовщиной существования Библиотеки и в некотором смысле открывает новую страницу ее истории, которая будет отмечена в дальнейшем упорным стремлением содействовать в своей области и своими средствами строительству социалистической театральной культуры.

Этому строительству громадный труд и исключительную энергию отдал Анатолий Васильевич Луначарский, имя которого с гордостью носит в настоящее время Библиотека.

Памяти Анатолия Васильевича Луначарского, — многолетнего руководителя нашей театральной политики, выдающегося театроведа, блестящего театрального критика и одного из первых советских драматургов, — посвящается этот том «Театрального наследия».

*Государственный академический театр драмы.
Ленинградская театральная библиотека
им. А. В. Луначарского.*

Ю. А. НЕЛИДОВ

ЛЕНИНГРАДСКАЯ

ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ИМ. А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

АРХИВНЫЕ данные позволяют приурочить образование книжного фонда, положенного в основу нынешней Ленинградской театральной библиотеки им. А. В. Луначарского, к началу весны 1784 г. К концу зимы 1783/84 г. количество русских драматических про-

изведений и ролей к ним настолько возросло, что для хранения их потребовался специальный шкаф. В перечне входящих в Комитет по управлению зрелищами и музыкой просьб от 16 февраля 1784 г. под № 6 указано: «Российских актеров инспектор Дмитревский требует, чтоб повелено было сделать или купить, для сохранения российских театральных книг и нот, новый, со стеклами и внутренним замком шкаф». По справке со сдаточными от прежней Дирекции всему театральному имуществу описями такового шкафа, кроме занятого с музыкальными нотами, другого не состоит (распоряжение Дирекции, кн. I, лл. 73—78). Требуемый шкаф и был сделан, согласно собственноручной резолюции председателя Комитета Адама Васильевича Олсуфьева: «сделать своим плотником без стекол».

Первый заведывающий вновь образованной библиотеки Матвей Зубков явно не соответствовал своему назначению, и вверенные его хранению книжные фонды были в

таким неудовлетворительном состоянии, что вынудили 30 июля 1785 г. «правлящего в российской труппе должность инспектора» Ивана Соколова войти в Зрелищный комитет с представлением «о переписке и переплете при российской труппе вновь библиотеки, которая от долгого временного упражнения состоит в ветхости, а при том словесно объявил, что находящийся при оной труппе рольный копиист Матвей Зубков, за леностью и неприлежанием, должность исправляет весьма нерадиво, отзываясь болезненными припадками; а исправление оной рекомендует способным той же труппы актера Сергея Рахманова, который сверх своего звания оную исправлять может». Заседавшие в тот день в Зрелищном комитете члены Комитета генерал-поручик Мелиссино и камергер князь Голицын постановили: «по представлению одного Соколова, находящегося при российской труппе копииста Матвея Зубкова, за леность и неприлежание к должности, удовольствовав по день сей резолюции из получаемого им ста двадцати рублевого оклада жалованием, дав при том надлежащий аттестат, от службы сей Дирекции уволить; а оному актеру Рахманову объявить, чтобы он обветшалую библиотеку переписал и впредь должность рольного копииста сверх своей актерской исправлял без всякого упущения, за что и производимый копиисту Зубкову годовой ста двадцати рублевый оклад производить ему — Рахманову» (*ibid.*, кн. I, лл. 227—230). Через месяц Сергей Рахманов стал отказываться от должности ролейного копииста, требуя сверх стол двадцатирублевого жалования еще дополнительную приплату по три рубля за каждую переписанную им пьесу. Однако Комитет с этим требованием не согласился и постановил: «оставляя его (Рахманова) в одной актерской должности, российской труппы обветшалую библиотеку и роли отдавать переписывать находящимся в Театральной Школе воспитанникам, под смотрением инспектора, и кто именно какого награждения достоин будет, ему — инспектору Ко-

СИЛЬВЭН-МАРЕШАЛЬ

Римский санкюлот (*ведя Папу*). На колени, коронованные мошенники! Получайте благословение святого отца! Он единственный, кто может отпустить вам ваши злодеяния, так как он сам был вашим сообщником и вашим коварным агентом. Да! В каких только гнусных интригах, в каких только преступных деяниях ни принимали участия священники и их глава? Это чудовище в тиаре возбудило против французов крестовый поход, как когда-то его предшественники подняли такой же против сарацин. После королей священники — это те, кто больше всех причинили зла земле и человечеству. Вечная благодарность должна быть воздана французскому народу, который первый возродил среди современников патриотизм Брута и сорвал маску с лицемерия жрецов! Французы заставляют краснеть древних римлян за те курения, которые возжигали они в Капитолии, там, где надменный Цезарь заколот вольнолюбивыми и республиканскими руками.

Папа. Ах, ах, вы сгущаете краски! Укажите хоть одного из моих предшественников, который был бы терпимее меня? По их примеру я мог бы отлучить от церкви все французское королевство...

Французский санкюлот (*прерывая его*). Говори: республику.

Папа. Хорошо, пусть будет республика! Я мог бы накликать на головы французов мщение небес; я удовлетворился, однако, тем, что объединял против них все земные власти. Может ли сделать меньше зла любой священнослужитель? Послушайте, помилуйте меня. Весь остаток моей жизни я буду молиться за санкюлотов.

Римский санкюлот. Нет, нет, нет! Мы не нуждаемся в поповских молитвах. Бог санкюлотов — это свобода, это равенство, это братство. Ты не знал и не узнаешь этих богов. Иди и заклинай лучше вулкан, который должен вскоре, наказав вас всех, отомстить за нас.

СТРАШНЫЙ СУД НАД КОРОЛЯМИ

Французский санкюлот (*поставив всех королей полукругом*). Коронованные чудовища! Вы должны были бы погибнуть все на эшафоте, но где найти палачей, которые согласились бы замарать свои руки вашей грязной и гнилой кровью? Мы оставляем вас угрызениям вашей совести, или, лучше сказать, вашего бессильного бешенства. (*К публике*) Вот виновники всех наших бедствий! Грядущие поколения, поверите ли вы этому? Вот те, кто держал в своих руках народы, кто играл судьбою Европы! На службе этой кучке мерзких разбойников, ради удовольствия этих коронованных мерзавцев кровь миллиона, двух миллионов людей, из которых худший стоил всех их взятых вместе, была пролита во всех частях нашего континента и за морями. Во имя и по приказанию двух десятков этих лютых зверей были разорены целые области, населенные города превращены в груды трупов и пепла, множество женщин изнасиловано, пущено по миру и обречено на голод. Эта подлая кучка политических убийц держала в цепях великие народы и бросала друг против друга те нации, которые должны были быть друзьями и братьями. Вот они, пленники человечества! Из глубины их дворцов распространялась по городам и по всей стране зараза пороков. Существовал ли когда-нибудь народ, имевший в одно и то же время короля и добрые нравы?

Папа. В Риме не было добрых нравов! Кардиналы совсем не имеют добрых нравов!

Французский санкюлот. И эти людоеды находили своих льстецов и пособников! Их жрецы воздавали богу только остатки тех благоволий, которые они возжигали у ног королей, и рабы в шитых золотом ливреях чванились, говоря: мой хозяин — король. Более ста миллионов людей повиновались этим гнусным тиранам и дрожали, произнося их имена. Для того чтобы доставлять этим пожирателям людей все радости жизни, народ с утра до ночи, круглый год, работал, обливаясь потом, до

СИЛЬВЭН-МАРЕШАЛЬ

последнего издыхания. Будущие поколения! Простите ли вы вашим предкам это унижение, эту глупость, это забвение своего достоинства? Природа, поспеши закончить сделанное санкюлотами; уничтожь своим огненным дыханием этот общественный хлам и низвергни навсегда королей в небытие, откуда они не должны больше возродиться! То же самое сделай и с каждым из нас, кто отныне произнесет слово король, не сопровождая его проклятиями, которые смысл этого слова должен срывать с уст всякого республиканца! Что касается меня, то я обязуюсь вычеркнуть из числа свободных людей каждого, кто в моем присутствии осквернит воздух хотя бы одним словом в пользу короля или другого подобного чудовища. Товарищи, поклянемся все и отправимся в обратный путь.

Санкюлоты (*уходя*). Клянемся! Да здравствует свобода! Да здравствует республика!

Сцена VI

Короли Европы.

Франц II. Боже мой, как недостойно, как гнусно обращаются с нами! Что будет, что будет?

Вильгельм. О, мой дорогой Калиостро, почему тебя нет здесь? Ты бы выручил нас из этого затруднения!

Георг. Я в этом сомневаюсь. Что думаете вы, святой отец? Вы ведь давно держите его пленником в замке св. Ангела.

Папа. Он ничего не смог бы тут поделать. Нам могло бы помочь лишь что-нибудь сверхъестественное.

Карлос. О, святой отец, сотворите хоть маленькое чудо.

Папа. Время чудес прошло... Где те блаженные времена, когда святые летали по воздуху верхом на палке!

Карлос. О, мой брат! О, Луи XVI! тебе достался лучший жребий! Неприятные четверть часа прошли очень быстро! Теперь ты ни в чем не нуждаешься. Здесь мы

СТРАШНЫЙ СУД НАД КОРОЛЯМИ

ничего не имеем; мы находимся между голодом и адом. Это вы, Франц и Вильгельм, навлекли на нас все эти беды! Я всегда думал, что эта революция во Франции, рано или поздно, сыграет с нами плохую штуку. Нам совсем не надо было в нее впутываться!

Вильгельм. Вам очень идет к лицу, сир, бросать нам обвинения. Разве не ваша обычная медлительность погубила нас? Если бы вы во-время помогли нам, мы расправились бы с Францией.

Екатерина. Что касается меня, то я иду спать в эту пещеру. Лучше, вместо того чтобы ссориться, тот, кто любит меня, пусть идет со мною... Станислав, не составите ли вы мне компанию?

Станислав-Август. Старушка Като, посмотри лучше на себя в этот источник.

Екатерина. Ты не всегда был таким гордым!

Франц II. Проклятые французы!

Карлос. Эти санкюлоты, которых мы сначала так презирали, добились, однако, своего. Почему я не устроил им хорошего ауто-да-фэ, чтобы показать пример всем другим?

Папа. Почему я не предал их анафеме еще в 1789 г.? Мы слишком церемонились с ними, слишком церемонились!

Фердинанд. Все эти размышления прекрасны, но они немного запоздали. Мы находимся на галере, нужно грести! Прежде всего нужно есть, — займемся же рыбной ловлей, охотой и земледелием.

Франц II. Хорошее зрелище: император австрийского дома копается в земле, чтобы найти себе пропитание!

Карлос. А вы предпочли бы тянуть жребий, чтобы узнать, кто из нас достанется на съедение остальным?

Папа. Не иметь даже из чего сотворить чудо умножения хлебов! Это меня не удивляет. Среди нас ведь имеются еретики.

СИЛЬВЭН-МАРЕШАЛЬ

Екатерина. Эти слова относятся, конечно, ко мне. Я должна объясниться... Осторожнее, святой отец!

Императрица и папа дерутся: она — своим скипетром, он — своим крестом. Удар скипетра разбивает крест. Папа бросает свою тиару в голову Екатерины и сбрасывает ее корону. Они дерутся своими цепями. Польский король старается развязать их и выхватить скипетр из рук Екатерины.

Станислав-Август. Соседка, довольно! Эй, эй!

Екатерина. Тебе как раз подходит воровать мой скипетр. Ты хочешь, видно, вознаградить себя за потерю своего, который ты допустил разрезать на три или четыре куска?

Папа. Екатерина, прошу пощады! Послушай, если ты оставишь меня в покое, я дарю тебе отпущение всех грехов!

Екатерина. Отпущение! Несчастный поп! Прежде чем я оставлю тебя в покое, ты должен признаться мне в том, что священники и папа — это шарлатаны и фокусники... Ну, повторяй!

Папа. Священники... и папы... это шарлатаны... и фокусники.

Карлос (*в сторону, в углу сцены*). Какая находка! У меня остался еще кусок хлеба, которым нас кормили в трюме! Какое сокровище! Нет столько рупий, столько пиастров, за которые, умирая с голоду, можно отдать кусок черного хлеба.

Станислав-Август. Братец, что ты там делаешь в сторонке! Никак, ты кушаешь? В таком случае мне полагается моя доля!

Императрица и другие короли набрасываются на испанского короля, чтобы отнять у него кусок хлеба. Общие крики: «И мне, и мне также, и мне»!

Фердинанд. Что сказали бы санкюлоты, увидя всех королей Европы в драке из-за куска черного хлеба?

Короли дерутся; земля усеяна обрывками цепей, обломками скипетров и корон. Мантии превращаются в лохмотья.

СТРАШНЫЙ СУД НАД КОРОЛЯМИ

Сцена VII

Те же и санкюлоты.

Санкюлоты, которые издали любовались на драку изголодавшихся королей, возвращаются, вкатывая на сцену бочку сухарей.

Один из санкюлотов (*открывая бочку и высыпая сухари*). Ну, негодяи, вот вам корм. Лопайте! Пословица, которая говорит: «всем нужно жить» сказана не про вас, ибо в том, чтобы короли жили, нет надобности. Но санкюлоты столь же милосердны, сколь и справедливы. Питайтесь же этими морскими сухарями, пока вы не приспособитесь к жизни в этой стране!

Короли набрасываются на сухари.

Сцена VIII

Екатерина. Стойте! Мне как императрице и повелительнице самого большого государства принадлежит большая часть!

Станислав-Август. Екатерина никогда не страдала отсутствием аппетита. Но мы здесь не в Петербурге. Каждому свое!

Фердинанд. Да! Да! Каждому свое! Эта бочка сухарей не должна походить на так называемую польскую республику!

Прусский король ударяет своим скипетром по пальцам Екатерины.

Екатерина. Тише, грабитель Силезии!

Папа. Господа! Воздайте кесарево кесарю!

Екатерина. Если бы ты сам воздавал кесарево кесарю, римский попишка!

Франц II. Мир! Мир! Здесь хватит на всех!

Вильгельм. Да, но не надолго!

СИЛЬВЭН-МАРЕШАЛЬ

Фердинанд. Смотрите! Вулкан, кажется, помирит нас всех! Горящая лава извергается из кратера и приближается к нам! Боже!

Карлос. Дева милосердная, помоги мне! Если я спасусь, я стану санкюлотом!

Папа. А я женюсь!

Екатерина. А я пойду к якобинцам или к кордельерам!

Вулкан начинает действовать. Он извергает камни, горящие угли и лаву. Раздается взрыв. Огонь устремляется на королей со всех сторон. Они проваливаются в разверзшуюся землю.

Занавес

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Актер Российской труппы, основатель Театральной библиотеки И. А. Дмитриевский (силуэт работы Е. С. Кругликовой)
2. Рисунок костюма к балетам XVII века (четырёхцветка)
3. Гонзаго. Эскиз декорации
4. Титульный лист французского издания комедии Аристо «J suppositi» (1552 г.)
5. Рисунок костюма к балетам VII века (четырёхцветка)
6. План убранства сцены на рукописном экземпляре комедии Шаховского «Фальстаф»
7. Последняя страница письма Дюси к Бернаден де Сен-Пьеру. Автограф
8. Бокэ. Рисунки костюмов к балетам Новерра
9. Рисунок костюма к балетам VII века (четырёхцветка)
10. «Актер» Водевиль Перепельского (Н. А. Некрасова). Автограф
11. Титульный лист цензурного экземпляра комедии А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся»
12. Титульный лист цензурного экземпляра пьесы А. Н. Островского «Воспитанница» («Кошке игрушки, мышке слезки»)
13. Титульный лист цензурного экземпляра пьесы А. Н. Островского «Не все коту масляница»
14. Титульный лист цензурного экземпляра пьесы М. Горького «Враги»
15. «Иванов», пьеса А. П. Чехова. Автограф

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
От редакции	7
Ю. А. Нелидов. Ленинградская театральная библиотека им. А. В. Луначарского	11
А. С. Булгаков. Раннее знакомство с Шекспиром в России	47
Н. А. Пыпин. А. Н. Островский в собраниях Ленинград- ской театральной библиотеки им. А. В. Луначарского .	121
С. Д. Балухатый. Драматургия М. Горького и царская цензура	195
К. Н. Державин. Политфарс Сильвена-Марешаля «Страшный суд над королями». (К истории драматургии эпохи Великой французской революции)	257

Отв. редактор К. Н. Державин.
Худ. и техн. ред. А. А. Кроленко.
Сдана в набор 13/VI 1934 г.
Подписана к печати 5/X 1934 г.
Тираж 3300. Лениорглит № 24450
Зак. № 1924. Бум. 82×112,5 6¹/₃₂.
Печ. листов 17,5 + 15 приклеек.
Бум. листов 4³/₈ по 124400 зн.
Авт. л. 18. Отпечатано во 2-ой
типографии «Печатный Двор»
Треста «Полиграфкнига» Ле-
нинград, Гатчинская, 26.
Клише и печать иллюстраций
выполнены тип. «Ленинград-
ская Правда» Ленинград, Со-
циалистическая, 14.

Цена р. 6 к. 50
Переплет р. 2 —

